

5. Советская Сибирь. 1921 г. 30 августа.
6. ГААК.В-Ф.2.Оп.2.Д.86.Л.17; ГАОО.Ф.1.Оп.3.Д.1208.Л.75.
7. ГАНО.-Ф.738.Оп.1.Д.17.Л.47; Кооперативная жизнь. 1922 г. № 9. С.8; ГАИО.Р11.Оп.1.Д.474.Л.3.
8. См.: Потребительская кооперация за 10 лет Советской власти. Юбилейный сборник. М., 1927. С.41.
9. ОСЦДНИ.Ф.1.Оп.3.Д.11.Л.72; ГАНО.Ф.1.Оп.1.Д.496.Л.10.
10. Так, рабочие и служащие Новониколаевского губпродкома пытались создать "свой" рабкооп, что противоречило одному из основных принципов построения низовой кооперативной сети - территориальному.- ГАНО. Л.Ф.10.Оп.1.Д.475.Л.59.
11. ЦГАЭ.Ф.484.Оп.1.Д.322.Л.78.
12. ГАНО.Ф.32.Оп.1.Д.1488.ЛЛ.4-6: там же. П. Ф.1.Оп.1.Д.1013 Л.77.
13. Сибирская потребительская кооперация в 1923 г. и перспективы ее дальнейшего развития. Новосибирск. 1924. С.52.
14. Директивы КПСС и Советского правительства...Т.1. М., 1957. С.418.
15. Сибирская потребительская кооперация в 1923 г. С.52; Кооперативная Сибирь. 1925. № 14-15. С.41.
16. Махов В. Рабочая кооперация Сибири и способы ее укрепления. Новосибирск, 1925. С.6.
17. Васильев И. Сибирская потребительская кооперация // Жизнь Сибири. 1927. №8. С.55; Он же. Сибирская потребительской кооперация. Новосибирск, 1925. С.24.
18. Краткий отчет Сибревкома первому Сибирскому краевому съезду Советов. Новосибирск, 1925. С.44.
19. Махов В. Указ соч. С.6.
20. Васильев И. Сибирская потребительская...//Жизнь Сибири. 1927. № 8. С.56.

РОССИЯ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ЗАПИСКАХ А. ГАКСТГАУЗЕНА Г.В.Можяева

В первой половине XIX века заметно расширились контакты России с Западной Европой. Это вызвало усиление внимания к образу жизни европейцев со стороны русских и одновременно усилило интерес европейцев к России. Обстановка после завершения наполеоновских войн благоприятствовала культурным контактам, среди которых немалую роль играли путешествия.

До конца XVIII века Россия все еще была далека от европейской культуры. И хотя в первой половине XIX века ситуация несколько изменилась, Россия оставалась для многих европейцев "terra incognita" - страной самобытной, непохожей на другие европейские государства. Стремление "основательно изучить русский народный быт" побудило к путешествию по России и немецкого барона Августа фон Гакстгаузена, известного в своей стране знатока и исследователя народной жизни Германии и ряда других европейских стран.

Маршрут путешествия барона Гакстгаузена включал в себя не только Москву и Петербург, но прежде всего многие провинциальные города и селения России, которые он посетил в марте - ноябре 1843 года. География его путешествия определялась скорее всего желанием барона окунуться в различные культурные пласты жизни россиян, увидеть ее в максимальном многообразии. Однако опубликованное в 1847-1852 годах в Германии, а затем в 1870 году переведенное на русский язык "Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России" Гакстгаузена не было похоже на рядовые путевые заметки. Наблюдения путешественника подкреплялись глубоким знакомством с литературой об истории России, с источниками, архивными материалами, статистическими сведениями, которые были предоставлены Гакстгаузену с разрешения русского правительства.

Удивление путешественника вызвала уже внешняя организация русской жизни: живописность русских городов с множеством колоколен, масштабность русских се-

лений, тот простор, который сопутствовал русской жизни. Проезжая через города и села, останавливаясь на постоях в самых разных местах, он знакомился с людьми разных сословий, различного положения в обществе, общался с членами их семей, беседовал с соседями, наблюдая повседневную жизнь и быт россиян, условия труда и формы организации досуга. Большое впечатление на немецкого путешественника произвело народное гулянье, увиденное им в Нижнем Новгороде. "Гулянье это представляло красивую картину и как будто нарочно было придумано, для изучения одежды, характера, нравов и обычаев народа", - отмечал Гакстгаузен [1].

Среди наблюдений Гакстгаузена - принципиальное отличие от столичной провинциальной жизни, в которой путешественник увидел исконно русское содержание. "Уже давно замечено, что по Петербургу нельзя составить себе верного понятия о России", - писал Гакстгаузен, подчеркивая отсутствие национального характера в этом городе, ставшем детищем европеизации России [2]. Расцвет русских провинциальных городов он связывал с перемещением дворянской жизни из Москвы в провинцию после событий 1812 года. Переезд дворян в провинцию Гакстгаузен рассматривал как "значительный шаг вперед для развития культуры и народной жизни" [3]. И действительно, в России XVIII-XIX-начала XX веков именно провинция держала уровень не только численности населения, но и уровень культуры.

Сама же "народная жизнь" привлекла особое внимание путешественника. В сравнении с немецкой основательностью в устройстве повседневной жизни, с заботой немцев о поддержании порядка, с трудолюбием, терпением и усердием немцев Гакстгаузен отмечал особенности русского национального характера, стереотипы поведения россиян и их отношения к жизни, к труду, к семье и т.д.. "Достойны удивления <...> во всем русском народе, необыкновенная верность слова, легкость, ловкость и быстрота соображения в пользовании всяким выгодным случаем" [4]. По мнению Гакстгаузена, русский народ необычайно талантлив и "одарен наиболее практическим смыслом" в сравнении с другими народами, но он "совершенно лишен той привязанности и любви к своему званию, к своему занятию", на которое он смотрит лишь как "на средство к богатству <...>. Страсть к деньгам и честолюбие - вот скалы, о которые разбивается каждый русский характер. Простой мужик добросердечен и симпатичен, но как скоро он богатеет, становится торговцем, купцом, он портится и делается мошенником" [5].

Рассуждая о характере русского народа, Гакстгаузен отмечал его стремление к определенности и открытости. "Меня особенно поражала в русских поселенцах та откровенность и даже готовность, с которой они посвящают во внутренние отношения своего хозяйства совершенно для них посторонних людей", - писал немецкий барон [6].

Гакстгаузен обращал внимание не только на различия в социальной сфере, но и на этнический и конфессиональный опыт народов, населявших Россию. В поле зрения Гакстгаузена попало прежде всего русское православие. Отмечая своеобразие русской религиозности, немецкий путешественник рассматривал его в связи с особыми судьбами русского монашества и сектанства. "Русский народ не склонен к философским тонкостям, как созерцательные восточные народы; поэтому, в новейших русских сектах нельзя ожидать вполне выработанных религиозных систем, за исключением секты духоборцев, - писал Гакстгаузен. - В большинстве случаев, в них стоят отдельные, несвязанные друг с другом идеи, которые именно поэтому действуют на массу, как частное помешательство, и доводят их до самого ярого фанатизма" [7].

Со спецификой русского национального характера связывал немецкий исследователь и особенности монашества в России. "Фанатизм, глубокое погружение в себя, полнейшее отрицание всего земного, египетская, отшельническая жизнь в пустыне, не лежит в характере русского народа", [8] - утверждал Гакстгаузен, делая далее вывод о невысоком уровне развития "созерцательной" монашеской жизни в

России. В слабости и непопулярности монашества и в целом русского духовенства, "в неспособности большинства русского духовенства к миссионерской деятельности" немецкий путешественник видел и причины медленного распространения православия среди нехристианского населения России. "Большое умственное и нравственное развитие русского духовенства, - делал вывод Гакстгаузен, - скоро станет насущною необходимостью, как для того, чтобы способствовать движению самого Русского народа, так и с целью внесения христианства и цивилизации в остальные народы Русского государства" [9].

Особое внимание путешественника привлекли староверы, которые, по его мнению "имеют большое нравственное влияние на Россию и на правительство", поскольку "представляют собой кристаллизацию древнерусских начал. <...> Они составляют тот регулятор, по которому можно определять ту границу, дальше которой не могут достигать изменения жизни в данную минуту". "Кто хочет изучать характерные черты великороссов, тот должен изучать их у староверов", - заключал Гакстгаузен [10].

Серьезность труда Гакстгаузена подтверждается общеисторическими рассуждениями автора. "Русские идут совсем иным путем цивилизации", - писал путешественник, подчеркивая своеобразие русского исторического развития. Причины же этого он видел в действии по меньшей мере трех факторов: геополитического, конфессионального и внешнеполитического. "Народ не может пересадить к себе и усвоить чужую истинную цивилизацию", - утверждал Гакстгаузен. - Цивилизация есть результат долгого внутреннего развития народа, а не извне приобретенное знание этого результата" [11]. При этом путешественник увидел "великое счастье России" в том, что она сохранила свою национальную самобытность и уникальность.

Как ни парадоксально, именно Гакстгаузен, которого П.Б.Струве справедливо назвал "одним из лучших знатоков нашего дореформенного хозяйственного быта" [12], по сути дела "открыл" русскую общину, которая в России первой половине XIX века представляла собой настолько обычное явление, что оставалась незамеченной.

Создав, по мнению одного из первых критиков Гакстгаузена Б.Н.Чичерина, только "наглядное описание современного быта русской сельской общины", которого "недостаточно для ее понимания" [13], немецкий путешественник тем не менее дал толчок для исторического изучения русской общины. Западники и славянофилы начали громкое обсуждение позиции Гакстгаузена на страницах русских журналов "Русская беседа" и "Русский вестник" уже в 1856 году, задолго до появления в 1870 году русского перевода его записок [14].

Гакстгаузен оказался прав, утверждая, что именно он "указал новый путь для изучения Русского народа", "установил тот принцип, который должен служить путеводною нитью для всякого, желающего изучить общественное состояние России, равно как и для правительства, которое пожелало бы развивать народную жизнь в действительно народных началах, а не предписывать формальные улучшения на бумаге" [15].

Принцип этот, определяющий суть, специфику и своеобразие всей русской жизни, Гакстгаузен увидел в русской крестьянской поземельной общине, которая представляла собой основополагающую единицу общественного устройства России. Подчеркивая *патриархальность* русского государства, он проводил принципиальные различия между Россией и странами Западной Европы, которые он причислял к "феодальным государствам". Свидетельством русской патриархальности являлось, по мнению Гакстгаузена, традиционное народное представление о том, что "Россия представляет одну большую семью, с царем во главе, которому одному вручена власть надо всем, и которому все безусловно повинуются". "Русская семья есть микрокосм русского государства <...>. Та же семья, только в больших размерах, есть русская община" [16], - рассуждал далее Гакстгаузен.

Уникальность русской общины заставила немецкого путешественника с особой тщательностью описывать наблюдаемую им жизнь этого социального и культурного организма, особенности общинного устройства, порядок землепользования в общине, ее функции и т.д.. Гакстгаузен попытался ответить на вопрос о причинах сохранения общины в России, связывая их прежде всего с незначительной ценностью земель в большей части России. "Россия каждому из своих детей дает право пользования, дает участие в пользовании землей и притом в каждой общине всем детям ее совершенно *равное* участие", - подчеркивал он [17].

Отмечая в русской общине "могущественное начало истинной свободы", с которым странно уживалась ее "деспотическая власть", Гакстгаузен увидел в господстве общины не только гарант стабильности государства, но и главную возможность для сохранения самобытности русской национальной культуры.

Встречаясь с чужим миром, человек, как правило, руководствуясь даже неосознанным чувством, оценивает этот мир с помощью собственного опыта и опыта своей этнической группы. Это естественный этноцентризм, помогающий выработке критериев оценки чужого. Естественно поэтому, что восприятие русской действительности для Гакстгаузена определялось в значительной степени тем, что сам он был воспитан в других культурных традициях. Гакстгаузен увидел в России не только совершенно иные, чем в Германии, порядки, иные отношения собственности, но и совершенно иную культуру. Тщательное изучение русской жизни, усиленное личным инокультурным опытом исследователя, позволило Гакстгаузену не только обратить внимание на многие основополагающие характеристики и специфические черты русской истории и культуры, но и определить некоторые насущные задачи, от решения которых зависело, по мнению немецкого путешественника, будущее России. Многие наблюдения Гакстгаузена явились так же толчком для дальнейшего исследования русской культуры, повседневной жизни и быта русского народа.

Примечания:

1. Гакстгаузен А. "Исследование внутренних отношений народной жизни и, в особенности, сельских учреждений России" - М., 1870.-Т.1, С.199.
2. Там же.С.17.
3. Там же.С.426.
4. Там же.С.40.
5. Там же.С.35-36.
6. Там же.С.75,165.
7. Там же. С.222.
8. Там же. С.209.
9. Там же. С.328.
10. Там же. С.234.
11. Там же.С.110-111.
12. Струве П.Б. Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX веках. М., 1913. С.53.
13. Чичерин Б. Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский вестник. 1856. Т.1. Кн.2. С.580.
14. См., напр.: Русский вестник. 1856. Т.1. Кн.2. С.579-602; Русская беседа. 1856. Т.1. С.101-147; и др..
15. Гакстгаузен А. С. XVIII.
16. Там же. С. XIX.
17. Там же. С. 89.